Александр Иванович Куприн

ПАРИЖ ИНТИМНЫЙ

ОЧЕРКИ

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К92

Куприн, А. И.
К92 Париж интимный / А. И. Куприн. — М. : T8RUGRAM. — 200 с.

ISBN 978-5-519-63407-6

Александр Иванович Куприн (1870—1938) — известный русский писатель, творчеству которого присущ активный, действующий гуманизм, пламенная любовь к природе и человеку.

«Париж интимный» — интересная книга избранных очерков писателя о жизни в Париже и не только. Местные обычаи, необыкновенные реальные истории, уникальные подробности и детали, выхваченные из самой жизни, перенесут читателя в неповторимую атмосферу того времени и позволят посмотреть на мир глазами великого русского писателя.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-63407-6 © T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Люди-птицы 363
Пунцовая кровь 373
Юг благословенный 407
I. Южные звёзды 407
II. Город Ош 410
III. «Фаворитка» 416
IV. Живая вода 421
Париж домашний 427
I. Пер-ля-Сериз 427
II. Последние могиканы 433
III. Невинные радости 440
IV. Кабачки 449
V. Призраки прошлого 453
Старые песни 459
Мыс Гурон 463
I. «Сплюшка» 463
II. Южная ночь 467
III. Торнадо 472
IV. Сильные люди 484
Рыжие, гнедые, серые, вороные 497
I. Илья Бырдин 497
II. Великий размах 503
III. Могучий 511
IV. Крутой характер 519
Париж интимный 527
Барри 533
Париж и Москва 539
«Светлана» 545

ЛЮДИ-ПТИЦЫ

Н. К. Коновалову

I

Да, это новая, совсем новая, странная порода людей, появившаяся на свет божий почти вчера, почти на наших глазах. Мы, современники, перевалившие через четвертый десяток лет, были свидетелями многих чудес. При нас засияло на улицах электричество, заговорил телефон, запел фонограф и задвигались на экране оживленные фигуры, забегали трамваи и автомобили, радиотелеграф понес без проволоки на сотни верст человеческую мысль, подводные лодки осуществили дерзкую мечту Жюль Верна. И вот мы уже перестали удивляться большинству открытий. Щелкая медным выключателем, мы в тот момент, когда комната озаряется ровным ярким сиянием, уже не говорим себе с радостной гордостью: «Да будет свет!» И любой петроградский коммерсант, слыша голос своего доверенного, говорящего из Москвы, кощунственно восклицает: «Прошу погромче. Сегодня телефон чертовски скверно работает!»

Но авиация никогда не перестает занимать, восхищать и всегда снова удивлять свободные умы. Вот они высоко в воздухе проплывают над нами с поражающим гулом, волшебные плащи Мерлина, сундуки-самолеты, летающие ковры, воздушные корабли, ручные

орлы, огромные, сверкающие чешуей драконы — самая смелая сказка человечества, многотысячелетняя его греза, символ свободы духа и победы над темной тягостью земли! Само небо становится ближе, точно нисходит к тебе, когда, подняв кверху голову, следишь за вольным летом прозрачного аэроплана в голубой лазури.

И летчики, эти люди-птицы, представляются мне совсем особой разновидностью двуногих. Они жили и раньше, во всех веках, среди всех народов, но, еще бескрылые, проходили в жизни незаметно, тоскуя смутно по неведомым воздушным сферам, или в судорожных попытках умерли безвестно, осмеянные безумцы, поруганные, голодные изобретатели.

— Monsieur, — сказал однажды на парижском аэродроме Блерио своему ученику, русскому авиатору, после первого совместного полета, — с этого дня летайте самостоятельно, я сегодня же выдам вам ваш «brevet»[1]. Вы родились птицей.

II

В самом деле, в них много чего-то от свободных и сильных птиц — в этих смелых, живых и гордых людях. Мне кажется, что у них и сердце горячее, и кровь краснее, и легкие шире, чем у их земных братьев. Их глаза, привыкшие глядеть на солнце и сквозь метель, и в пустые глаза смерти, — широки, выпуклы, блестя-

[1] Диплом (*фр.*).

щи и пристальны. В движениях — уверенная стремительность вперед. Часто, внимательно вглядываясь, я ловлю в лицах знакомых мне летчиков, в рисунке их черепа, лба, носа и скул какие-то неясные, но несомненные птичьи черты. Давно установлено наблюдением, что определенная профессия, наследственная в длинном ряду поколений, налагает наконец на внешний и внутренний лик человека особый характерный отпечаток. Авиация слишком молода для такой специфической выработки типа. Но отчего же не думать вместе с милым Блерио, что есть люди, рожденные летать? Может быть, потому именно летать, что прапращур человека миллионы лет тому назад летал над землею в неведомом нам таинственном образе?

— Каждый человек, не особенно трусливый, может научиться летать и полетит, — говорил мне один офицер-инструктор, — но для очень многих существуют неодолимые пределы. Я знаю некоторых летчиков, обладающих холодной отвагой, расчетом и глазомером, притом в совершенстве владеющих аппаратом, но... только до высоты в тысячу метров. Ниже этой высоты он шутя сделает мертвую петлю, скользнет на крыло и на хвост, спланирует с выключенным мотором, примет бестрепетно бой с вражеским аэропланом... Но выше тысячи метров он беспомощен. Там у него появляется не *духовная,* а чисто *физическая* боязнь высоты и пространства. Это чувство для других летчиков прямо необъяснимо, парадоксально. Ведь большинство из нас испытывает это тошнот-

ворное, расслабляющее головокружение и противную щекотку в пальцах ног лишь на небольшой высоте, например, когда высунешься из окна шестого этажа. Но при подъеме это гнусное ощущение совершенно исчезает, и чем выше забираешься, тем все легче, веселее, беспечнее и увереннее становится на душе.

III

Я люблю их общество. Приятно созерцать эту молодежь, не знающую ни оглядки на прошлое, ни страха за будущее, ни разочарований, ни спасительного благоразумия. Радостен вид цветущего, могучего здоровья, прошедшего через самый взыскательный медицинский контроль. Постоянный риск, ежедневная возможность разбиться, искалечиться, умереть, любимый и опасный труд на свежем воздухе, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубина и упоительной легкости дыхание, собственная невесомость и чудовищная быстрота — всё это как бы выжигает, вытравляет из души настоящего летчика обычные низменные чувства: зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь — ив ней остается чистое золото. Беседа летчиков всегда жива, непринужденна и увлекательна, разговор — редко о себе, никогда о своих личных подвигах. Нет и тени презрения к низшему роду оружия, как раньше это было в кавалерии, в гвардии и во флоте, хотя перевод в «земную»

армию страшит летчика в сотни раз более, чем смерть. Нет насмешки по отношению к слабому, к неспособному, к неудачнику. Наивысшее развитие чувства товарищества. Умилительная преданность ученика учителю. И как прекрасна в этих сверхъестественных людях-птицах, дерзко попирающих всемирные законы самосохранения и земного тяготения, как живописна в них беспечная и благородная, страстная и веселая, какая-то солнечная и воздушная любовь к жизни!

IV

У них свой собственный жаргон. Контакт с землею, спланировать, спикировать, покрыть пространство и т. д. Аппарат при несчастии можно «пригробить», а то и вовсе «угробить», но бывает, что «угробится» и смелый летчик. Упасть так, что очутиться внизу, под аппаратом, значит — «сделать капот». «Я взял с собой наблюдателя», — скажет летчик про полет вдвоем в боевой обстановке. Приглашая же на полет лицо частное, в пределах учебного аэродрома, он спросит: не хотите ли, «прокатаю»? Словечко немножко лихаческое и чуть-чуть свысока. Так-то вот в начале сентября прошлого года, под вечер, и предложил «прокатать» меня поручик К., любезнейший из летчиков, странно похожий своим точным профилем и буйно-волнистой курчавостью волос на одного из героев 1812 года, портреты которых так схожи между собою на старинных гравюрах.

Солнце уже село, когда мы доехали в автомобиле до аэродрома. К ангарам трудно было пройти из-за густой грязи. Кое-где почва выложена свежесрезанным дерном, из-под которого хлюпает и брызжет вода. «Это правда, — отвечал К. на мое замечание, — поле неважное для полетов, но идеального все равно не найдешь. Да с этим неудобством мы, впрочем, миримся. А вот где наше горе: видите, посреди поля торчит куча деревьев? Пять, шесть никому не нужных деревьев, но приходятся они на самом вираже, и если бы вы знали, сколько из-за них пригроби-лось аппаратов и сколько поломано рук и ребер. А срубить не позволяют: говорят, что на них открывается очень милый, а главное, давно привычный вид из какого-то дворцового окна».

Выкатывают из широкой пасти ангара «фарман-парассоль», номер такой-то. Я видал его раньше, в тихий солнечный день, парящим высоко в воздухе. Тогда это была легкая, маленькая, грациозная стрекозка. Теперь, в полутьме быстро надвигающегося осеннего вечера, он рисуется мне громоздким, неуклюжим, растопыренным черным чудовищем. Довольно трудно с непривычки садиться во что-то вроде железного котла без крышки. Летчик впереди. Его отделяет от меня стеклянная толстая рама. Вот он подымает руку кверху. Раздается свирепый, оглушающий рев пропеллера, и аэроплан, точно в ужасе, сотрясается всем своим огромным корпусом. Стремительный порыв ветра в лицо... Мгновенное, неописуемое чувство полной потери собственного веса. Узенькое сиденье плавно колеблется влево и вправо.